

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №6 2025 ГАЗЕТА

Лесины колокола / Современный рассказ

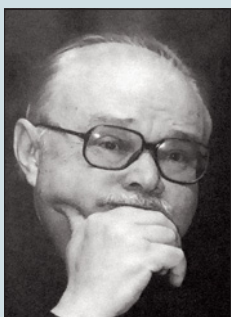
Татьяна МИХАЙЛОВА

Родилась и живет в Москве. Окончила Институт железнодорожного транспорта. Автор познавательных сказок и рассказов для детей, печатается в журналах «Детская Роман-Газета», «Детское чтение для сердца и разума». Автор двух романов «Участь» и «Буран».

АЛЕКСАНДР ЛЕПЕШЕНКО

Родился в 1977 году. Окончил журфак Волгоградского университета. Член Союза писателей России. Директор Волгоградской библиотеки им. М. Горького. Финалист Премии им. В. Г. Распутина (2020), лауреат Госпремии Волгоградской обл. (2022) и др. Автор повестей «Монополия», «Магnum, прощай!», романов «Смерть никто не считает», «Владимир Необходимович» и др. Живёт в Волгограде.

Константин ЩЕРБАКОВ

Журналист и критик. Родился в 1938 году. Окончил журфак МГУ. Работал в газетах «МК», «Комсомольская правда», ж. «Дружба народов». С 1987 по 1992 года главный редактор ж. «Искусство кино». С 1992 по 1998 — заместитель Министра культуры РФ. Автор 12 книг. Заслуженный деятель искусств РФ, Почётный член Российской Академии Художеств.

Станислав ФЕДОТОВ

По образованию физик-радиоэлектроник (ТГУ, г. Томск). Член Союза писателей СССР (1973). Поэт (12 книг стихотворений и поэм); драматург (8 пьес); прозаик (романы, повести и рассказы). Член редколлегии журнала «Берега». Лауреат международных премий «Рукопожатие» и им. В. Пикуля. Живёт в наукограде Реутов (Московская обл.)

Игорь АНГЛЕР

Родился в 1964 году в Омске. Окончил Ленинградский радиополитехникум и юрфак ЛГУ. Автор ироничных рассказов, миниатюр и романов: «Хроники весёлой пекарни», «Раздолбаи успеха», «Авантюристы», «Операция ДИ-строфик», «Слышащий сердце» и «Поцелуй без срока давности». Лауреат премии имени Агаты Кристи. Член Союза писателей РФ и Российского союза писателей.

Алексей НЕБЫКОВ

Прозаик, главный редактор портала «Печорин.нет». Лауреат премии «Справедливая Россия» (2023). Финалист премий Фазиля Искандера (2018, 2023) и А. Чаковского (2022, 2023). Автор книги «Черный хлеб дорог. Русский хтонический рассказ» (2024). Альпинист. Руководитель творческих экспедиций: Килиманджаро (2019), Эльбрус (2021, 2023), Пик Раздельная (2022), Пик Ленина (2023).

Ольга КУЗЬМИНА

Родилась в Москве. Окончила журфак МГУ. Литературный редактор. С 17 лет работала в газете «Правда», пройдя путь от курьера до парламентского обозревателя. Печаталась в журнале «Смена», работала в газете «Труд», затем — в концерне «Вечерняя Москва». Успешно участвовала в сетевых литературных конкурсах.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2025
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2025 №6 /1971/ Основана в 1927 г.

Лесины колокола

Современный рассказ

Татьяна Михайлова

Он, она и радуга

Рассказ

Она шла быстрым шагом по Невскому проспекту. Лавируя между прохожими, везя за собой тяжелый чемодан, она торопилась, боялась опоздать на поезд «Санкт-Петербург — Москва». Взглянула на часы. До отхода поезда оставалось двадцать минут, а до Московского вокзала было еще далеко.

Прибавив шаг, почти бегом, она пересекла Лиговский проспект. Идти до поезда осталось немного, время есть, она перевела дыхание, пошла медленнее.

«Представляю, на кого я сейчас похожа. Дернуло меня зайти в книжный магазин и провести там столько времени. Почти забыла о поезде, — подумала она. — Так, вот он, четвертый путь. Вагон шестой, это почти в начале состава».

Она с трудом подняла чемодан и поставила на площадку вагона. В чемодане были книги, купила для себя, для внуков, в подарок. Чемодан поставила в начале вагона, в отведенном для багажа, месте. Дошла до своего тридцать седьмого места. Расположившись, облегченно вздохнула: «наконец-то!»

Пассажиров еще было мало. Она подумала: «Хорошо бы место рядом никто не занимал. Хочется побыть одной в этом маленьком уютном пространстве вагона, чтобы ничто не отвлекало, чтобы никто не шелестел газетами, не жевал и не храпел».

Она открыла бутылку с водой, отпила. Поезд тронулся с места и медленно пополз вперед. Место рядом никто не занял, вагон вообще был свободный. Шел месяц март. Видимо, в это время года пассажиров бывает немного. Кроме того, это была середина недели.

Место у нее было удобное, по ходу движения. Через проход вагона, кресла другого ряда располагались против движения поезда. Таким образом, пассажиры одного ряда сидели лицом к лицу к пассажирам противоположного.

«Надо привести себя в порядок, причешаться, по крайней мере». — Она вышла в туалетную комнату. Вернувшись, взяла журнал и стала его листать. Читать не хотелось, без интереса рассматривала картинки, потом некоторое время смотрела в окно, перевела взгляд на другую сторону вагона.

В кресле противоположного ряда, наискосок сидел молодой человек и пристально смотрел на нее.

Она опять раскрыла журнал и продолжила листать его, чувствуя на себе взгляд молодого человека. Отложила журнал, прикрыла глаза, расслабилась, — заснуть бы. Но заснуть не могла, ей было как-то некомфортно. Сквозь ресницы видела, что молодой человек продолжает рассматривать ее. Взгляд был внимательный, изучающий. В упор.

«Теперь, говорят, модно молодым людям иметь подруг на много лет старше себя. Примеров много. Ну, чего уставился?» У нее было состояние, о котором говорят: «не знала, куда себя деть».

Она открыла глаза и посмотрела на молодого человека. Теперь уже он отвел взгляд, теперь она стала его разглядывать. Молодой человек был приятной наружности: худощав, смугл, нос правильной формы, короткая стрижка черных блестящих волос была ему к лицу.

Через какой-то момент глаза их встретились, и доли секунд они внимательно смотрели друг на друга.

Она отвернулась к окну, захотела откинуть спинку кресла. Не получалось. Изо всей силы давила на рычаг: и вниз, и вверх. Спинка не двигалась.

«Тяните рычаг вверх и давите на спинку», — услышала голос молодого человека. Вдруг он вскочил, буквально вскочил, одной рукой резко дернул рычаг, другой надавил на спинку кресла, и она приняла полугоризонтальное положение.

«Спасибо», — тихо поблагодарила она. Вдруг что-то резко пронзило ее внутри. «Неужели, это Его сын? Очень похож. Такое же движение бровей, от чего они сходились на переносице, такая же манера сидеть: полуразвалочку, вытянутая вперед нога».

Она отвернулась к окну и закрыла глаза. Горькие воспоминания нахлынули внезапно: «Тридцать пять лет. Тридцать пять лет прошло, а как будто это произошло вчера».

Вся картина тех далеких лет встала перед глазами. 1972 год, апрель. Отмечали Его день рождения. Поздно, за полночь пошли провожать друзей. Вернулись, лифт стоял с раскрытыми дверями, сломался. Подниматься на седьмой этаж придется пешком, такая досада!

— Ну, надо же... — она не договорила. Он вдруг подхватил ее на руки и понес вверх. — Пусти, тяжело ведь.

Но он еще крепче стал держать ее и, казалось, легко донес на седьмой этаж к двери квартиры. Опустил на ноги, обнял, нежно прижал к себе.

— Ты моё всё, — тихо сказал он. Сквозь пальто Она чувствовала Его тепло, чувствовала, как дорога ему. «Как это могло случиться?» — она не раз задавала себе этот вопрос. Он все готов был сделать ради нее, она знала это. И вдруг, через неделю после дня рождения, он стал приходить домой поздно.

Оправдывался: много работы. Потом стал говорить, что будет работать во вторую смену. Она верила. Однажды не пришел ночевать. Объяснил, что уснул и проехал свою остановку. Проснулся далеко в пригороде. Долго ждал обратную электричку на Москву. Она верила. Он гулял с дочкой, она убиралась в доме, готовила обед. Вроде бы все хорошо, но сердце ныло, была тоска и нехорошее предчувствие. Ей казалось, что он тоже живет в каком-то напряжении.

Как-то вечером, в постели, он вдруг обнял ее, всем своим телом прижал к себе: «Я сейчас обнял тебя и понял, как я тебя люблю, роднее тебя нет никого». Так и сказал: «роднее тебя нет никого».

На следующий день и в последующие дни работа во вторую смену продолжалась. Похоже, что он ничего не собирался менять в своем графике.

Голос диктора поезда: «Станция Бологое», — вывел ее из воспоминаний. Поезд остановился. Несколько пассажиров вошли в вагон, но место возле нее оставалось свободным. Уже через минуту поезд набирал скорость. Мимо проносились пригородные дома с садами и огородами. Поля сменяли леса, пруды, мелкие и большие речки. Плавный ход поезда расслабил ее. Она закрыла глаза, но вздремнуть не удалось. Вновь всплыла картина той, прошлой жизни, ее жизни тридцать пять лет назад.

Прошел месяц с того дня рождения. Они почти не виделись. Он приходил домой поздно. Она делала вид, что спит, а утром, когда уходила на работу, он еще спал. Ее тяготили эти отношения. Она боялась задать ему вопрос: «Что случилось?» Ждала, что он, как и прежде, обнимет ее и обиды растворятся в теплом дыхании его тела. Все, что вызывало душевную тревогу, уйдет, как будто ее и не было. Останутся он, она и дочка. Лежала одна в постели, сердце разрывалось от тоски, и слёзы, горячие и крупные, беспрестанно текли из глаз. Наутро она вставала с опухшими веками и бесцветными глазами. Многие, с кем она общалась, видели перемены в ней, но никто ни о чем не расспрашивал ее.

Несколько раз она несмело пыталась приблизиться к нему. Он шарахался в сторону, как будто чего-то боялся.

Однажды он пришел домой раньше обычного. Не снимая пальто, зашёл на кухню. Она готовила ужин. Без вступительных слов и всяких объяснений он объявил ей, что любит другую женщину. То, что в глубине души подозревала она, но до конца не верила в это, сказано было откровенно и ясно.

«Как мы будем делить квартиру?» — прозвучал конкретный вопрос так, как будто у нее должен уже быть конкретный ответ. Сломленная этим вопросом, она беспомощно смотрела на него. Глаза на-

полнились слезами, и ресницы не могли уже сдерживать их — они хлынули в несколько потоков. Чтобы он не видел этого ее состояния, она отвернулась, подошла к окну. За слезами не видела ничего. В прихожей хлопнула входная дверь. Ушел. Ей казалось, что рухнула вся ее жизнь, что ее жизни больше нет. Рыдала тихо, горько, сердце, в котором теплилась еще надежда до этого момента, рвалось на части.

Поезд медленно подходил к платформе. Пассажиры уже выстроились друг за другом в проходе. Она решила не торопиться. Надела пальто, накинула шарф, повернулась к выходу. В самом начале прохода стоял тот молодой человек и смотрел в ее сторону. Из вагона она вышла последней и сразу увидела: парень стоит напротив выхода из вагона, и ей показалось, что он ждет ее.

«Мама! — услышала она голос дочери. Дочка и ее муж быстрым шагом шли по платформе. Зять передал ей маленький букетик подснежников: «С приездом!», взял чемодан.

Она обняла дочку и шепнула:

— По-моему, за моей спиной стоит твой сводный брат.

— О, господи! — Дочь безразлично махнула рукой. Ее эта тема не интересовала. А молодой человек вдруг резко повернулся и быстрым шагом пошел к выходу в город.

— Мы чуть не опоздали! Такие заторы, дождь лил беспрестанно! — весело сказала дочь.

— Дома все в порядке, как Ника?

— Все нормально. Вчера сдала последний экзамен перед дипломом. Звонила папе, ждет тебя.

— Хорошо, слава богу! — Она взглянула на небо. Оно было нежно-голубое, без единого облачка. — Смотрите, дождь прошел! И радуга!

Радуга яркая, широкой полосой зависла в небе. «Как когда-то, перед новой жизнью!» — подумала она и улыбнулась этой радуге, хорошим новостям.

И вдруг гжучей волной прокатилась по сердцу боль семьдесят второго года...

Александр Лепещенко

Дикобраз

— Люлк, а Люлк!

— Чё-о?

— Как Дикобраза зовут?

— Дикобраз.

— Это — кликуха... А имя?

— Не знаю, Толя, я его имя... Щас он придёт, спросишь.

— Неудобно ж...

— Тогда чё пристал? И вообще, чё лапишь меня?

— Когда я тебя лапил? Залила шары...

— Да пошёл ты, Скляр!

— Ладно, Люлк, не бузи! Да не бузи, говорю, убрал я руки...

— То-то же!

— А вот и Дикобраз... Привет!

— Привет, Скляр! Привет, Люлк!

— Как живёшь-дышишь?

— Так, по-серенькому...

— Бывшая, что ли, бузит?

— Ага, к сыну не пустила.

— Зараза!

— Не понял... вы уже бухаете?

— Да капель пять всего... Вот, Дикобраз, держи кубок!

Дикобраз грузно опустился на парковую скамейку, выпил самогона и судорожно вздохнул в сторону немых голубеющих цветов.

— Закуси... Тушёнка, пюре, леденцы для свежего дыхания — трапеза, достойная принцев.

— Да-да, покушай... — поддержала предложение Скляра Людка.

— Куда столько плещешь? — забрал у Толика бутылку блескоглазый Дикобраз. — Всё, разливаю я...

Скляр задвигал шуплым туловищем, протестовать же не стал. Но, когда выпили, заскулил:

— Плесни в кубки!.. Плесни ещё!

В ответ получил кивок.

В тушёночном жирке Дикобраз разминал хлебную корку.

— Разгулялись на славу... Как говорится, от жидкостей — к твёрдым телам... Молодец, Людка!

— Я чё, я ничё...

— Кормилица... поилица, — осклабился Толик. — Сейчас, дайте-ка вспомнить... Ага! К его ногам летит букет, а в нём от дамочки привет.

— Наплетёт вранья и верит сам в свои бредни, — вскинулась Людка.

— Пусть букета не было, ладно... Но тебе же Дикобраз нравится? — сделался елейно-масленным Скляр.

Улыбчивый взгляд женщины говорил, что она не сердится. Это придало уверенности Скляру:

— Как бы сняться с мели, а, Люлк?

— Ещё бы выпил, да денег нет?

— Нет как нет, ты — права... Снимешь с мели?

— За бутылкой пойдёшь сам...

— Ой, пойду, Люлк, пойду.

Пока Толик ходил, рыжебородый Дикобраз говорил женщине об отношениях с сыном — «подростком умненьким и добрым», о бывшей жене — «тонкогубой гарпии», о музее — «хранилище человека,

где когда-то работал», и даже о появившейся на небе звезде — «маленьком тычке в темноте».

Гургургулили голуби.

— Прям, как вы воркуют, — принял наисердечнейший вид Скляр.

— Вернулся... — нахмурился Дикобраз.

Толик не заметил перемены в приятеле и начал рассказывать о саранче:

— Не поверите, саранча на крыло встала. Набережную, вы следите... всю залепила... Прёт за Волгу, в степь...

— Казнь египетская.

— А вчера ты тёр, что лягушки казнь египетская.

— Саранча тоже, — сплюнул сквозь зубы Дикобраз.

— А-а-а, понял...

— Ни черта ты не понял.

— Слышь, архивариус... не один ты интеллигентно трудился...

— Архивариус? Вот получишь в печёнку — станешь бледный и умирающий...

— Прекратите!.. Не ссорьтесь!.. Давайте за дружбу выпьем...

— А Людка-то права, — утихомирился вдруг Скляр.

Дикобраз окинул ладно причёсанную женщину тягучим взглядом и налил самогона.

«И что я закусился?.. «Тщеславие в сердце сердца...» Надо как-то сгладить...»

— Милостивые дамы и господа, за вас!

Все внесли по улыбке и чокнулись.

— Дикобраз, ты, как всегда, жжёшь!

— Жгу, Толя... Не обижайся, если что не так...

Толик заснул там, где и выпивал, — на парковой скамейке. Разобидевшаяся на Дикобраза Людка ушла домой. Дикобраз глядел на похрапывавшего Толика и думал: «Ну отказал женщине и отказал... Не жестоко ли это? Когда-то зачем-то я читал... Про нас всех читал... «Люди привяжутся друг к другу, завлекут, заманят... А потом разрыв. Смерть. Крах. Обухом по башке. Ко всем чертям — чтоб твоего духу. Жизнь человека...»

...Рачьи глаза Дикобраза были открыты. Толик потормошил приятеля, потом потряс, но он всё равно не пошевелился. Он — умер. Тёмные тополя, редкие белые очертания и мёртвый Дикобраз пугали. А тут ещё приближались какие-то головастые парни, и Толику требовалось на что-то решиться: он вскочил и побежал не оглядываясь.

* * *

— Помянем Дикобраза, Людк!

Женщина не отозвалась, и Скляр, подав ей «кубок», вздохнул.

— Эх... Как его всё-таки звали? Кто же он был?

— Человек, Че-ло-век...

Джавад

Пыль дремала на спортивной сумке Джавада. Из воротника парка временами вылезало его оливковое с крупными чертами лицо. Мужчина прикинул к чердачному окну и вгрызлся взглядом в набережную. Яичные стрелки часов — хорошо заметные, но не дававшие бликов — не торопились. Джавад терпеливо ждал.

Млел ветер. Солнце медленно сползло к горизонту.

Возле кафе, раскинувшегося на нижней террасе набережной, показалась чёрная лохматая собака и тотчас пропала. Джавад потёр живые с красными прожилками глаза.

«Шайтан... у-у, шайтан...»

Яичные стрелки ткнулись в цифры «6» и «12».

«Скоро, уже скоро...»

Мужчина повернул жилистую шею вправо, потом влево. Лицо его лоснилось, точно покрытое жирным лаком.

— Ну, надо ж мышцам так затечь... — сказал Джавад придушенным голосом и взглянул на стропила. Казалось, на потемневших от недавних дождей стропилах вот-вот появится плесень.

«Ничего-ничего... Кто ждёт многого, дождётся, как говорят, и малого...»

С нижней террасы вспорхнул женский смех, и Джавад снова приник к чердачному окну. Брюнетка с губами одалиски сладостно улыбалась холённому альбиносу, вливавшему за ней обезьяньей походкой. Как ни странно, за этими двоими наблюдали. В беседке, на верхней террасе, Джавад заметил ту, кто это делал — толстую рыхлую блондинку в бежевом плаще. Она была точно угасающая лампадка. Через минуту парочка села в большой белый «Лексус» и укачала, а толстуха, закрыв руками замурзанное слезами лицо, опустила на скамейку.

«Нового нет, одно старое... Некая прелестница зацапала богатого женатика...»

Джавад поднёс сжатый кулак ко лбу и вздохнул.

— И вправду, сердце пронзили семь скорбей...

«Нет, всё это не для меня... Лучшая жизнь — это, когда нет таких «идиотских вещей, как любовь, пиццеварение...»

В квартире последнего этажа пел чайник и ворковали рюмки. Кто-то кого-то перебивал, кто-то с кем-то спорил. Стоял шум, точь-в-точь как на вокзале.

«Пожрать бы», — подумал Джавад, прислушиваясь.

...Небо леденело над городом. Сумеречный свет мешался со светом электричества, и на террасах набережной кое-где светлела засохшая трава. Джавад, поглядывая вниз, привязал к торчавшей перед чердачным окном проволоке небольшой лоскут тёмной

материи и только после этого поправил воротник парки. Лоскут отведал ветра и оживился.

Мужчина тронул узловатыми пальцами щетину около ямки на щеке и вдруг снова увидел собаку.

— Про-кля-тый шай-тан!

Собака, словно заболел печалью, протяжно завывала. Рванула с нижней террасы, перебежала через дорогу и скрылась в подворотне старого винно-тёмного дома. Джавад помнил, что там, в подворотне, — машина, как будто кем-то брошенная и забытая. Его придавила мысль.

«Эта чёрная псина предупреждает о смерти? Да плевать, что человек смертен... Плохо то, что он, как замечал господин Воланд, иногда внезапно смертен!..»

Джавад скривил рот. «Моя школьная учительница была бы, пожалуй, довольна... Да-да, ведь я ещё не забыл, кто такой Воланд...»

Яичные стрелки показывали половину седьмого.

«Хм, пора, — ковырнуло Джавада, — время — уже «без пяти поцелуев час целоваться...»

На нижнюю террасу вышатнулся бухой в подкладку мужик. Исхудалый, окостенелый, в сером одеянии с чужого плеча, с заголёнными красными руками. Он сгибал и подставлял спину, как в круговом козле. И Джавад мужика этого видел сегодня — всё в той же подворотне старого винно-тёмного дома. Мужик проковылял метров пять или шесть и рухнул на землю, как сноп. Побормотал, похрипел и заснул.

Неожиданно блеснули фары — тени прижались к деревьям. А вскоре вырисовался джип и, скрипя гравием, подкатил к кафе. Невысокий толстый человек, одетый во всё чёрное и с лиловым платком в кармане, вальяжно вышел из джипа. Джавад, определив по лоскуту направление ветра, снял снайперскую винтовку с предохранителя, прицелился и выстрелил. Затем расстегнул спортивную сумку, затолкал в неё винтовку, подхватил поклажу и побежал к пожарной лестнице.

* * *

Криминальный авторитет Бадри Сухумский умер в больнице, так и не придя в сознание. Ни полиция, ни бандиты не смогли отыскать стрелка.

Марсельский батл

Французский прокурор Андре Риб долго смеялся: кишка тонка. Думаю всё-таки, что он недооценил мои кишки. Обозревателя ведущего национального еженедельника «Либерасьон» Авелин Тома, кажется, это сбilo с толку. Впрочем, я и сам растерялся, когда она предложила сделать интервью со мной.

Предложение это передали другие люди. И я не постигал, как буду с нею изъясняться, ведь по-французски ни бельме. А ещё крутил: «Какая она, эта Авелин? Наверное, медноголовая кочерга?» Оказалось, вовсе нет. Авелин впорхнула в мою жизнь небольшой птичкой. Чёрненькой, желтоокой. Подвижной. На ней был абрикосовый сарафан и белые мокасины. Припухшие, как после сна, губы она не красила. Она вообще не пользовалась косметикой.

— Здравствуйте, месье Ледогоров, — прошепета-ла приветствие на хорошем русском языке Авелин и села за стол. — Спасибо, что не отказались встретиться...

— ?..

— О, не удивляйтесь... Моя мама русская.

— Понимаю. Ну что ж, задавайте ваши вопросы!

Девушка, не отводя от меня взгляда, выудила из кожаного рюкзака диктофон и планшет.

— А вы на любые ответите?

— Я не против.

— Хорошо, месье Ледогоров...

— Можно... Вадим.

— Вадим, читатели «Либерасьон» хотят знать о Марсельском батле не только от прокурора, но и от футбольного фаната. Так вот, на видео, размещённом на Ютубе, видно, что вы участвовали в стычках.

Авелин включила планшет.

— Посмотрите! Русские фанаты бегут по Cours d'Estienne d'Orves — место в районе Старого порта. Это нечто вроде разминки. Фанаты в боевой позиции. Они хватают всё, что может пригодиться в драке. А вот тут, в глубине, виден английский болельщик, который потом впадёт в кому. Это настоящая охота на человека с английским флагом... Неожиданно камера выхватывает вас, Вадим... Вы — среди фанатов... Начинают лететь стулья... Узнаёте это видео?

Я на мгновение закрыл глаза.

Большой жёлтый бульвар лежал пластом. Черепами казался булыжник. Суховато серели липы. И англичане — рожи с вывертом. В руках велосипедные цепи, отвёртки...

— Узнаёте?

— Да. Но я ничего не бросал... Я потом пошёл на матч. И у меня голова болела...

— Почему ваш билет на матч не надорван?

— Авелин, это недочёты организаторов. Я засунул билет в электронное устройство. Но никто у меня контрольный квиток не оторвал. А сидел я в секторе Н, внизу.

— Люди были серьёзно ранены. Даже если вы ни в кого не бросали стулья, это сделала группа фанатов, в которой вы находились.

— Повторяю: я еле отгрызся... Англичане чуть мне голову не проломали. Они ведь жрали вискарь в

Старом порту несколько дней кряду. Как это там? Э-э... «Хорошая лошадь Уайт хорс, // Белая грива, белый хвост...»

И тут мелькнуло грубое кофейное лицо владельца магазинчика на Cours d'Estienne d'Orves, затюканного англичанами и прославившего фразы ругательствами.

— Один из ваших чертыхался, что это не Марсель, а настоящий Бейрут...

Девушка отмалчивалась.

— Что вы разглядываете меня как музейный экспонат? — спросил я.

— Нет-нет, извините!

— За что вы извиняетесь?

Кожаный рюкзачок её предательски сполз со стола и свалился мне под ноги. Я с обезьяньей быстротой и ловкостью поднял его. Когда она благодарила меня, то назвала месье Ледогоровым, а, поправившись, через слово вновь сбилась. Видя её смущение, я заговорил сам:

— Во Францию я не драться приехал. Нет, просто ангел нехороший меня крылом задел. Знаете, Авелин, в обычной жизни я менеджер логистической компании... Планы, отчёты, командировки... Ну а дома, в Москве, у меня мама и... больше никого. Я, когда вас увидел, то подумал, что вы кого-то мне напоминаете...

— Да, и кого же?

— Не знаю... Вы, вы — такая...

— Давай на «ты».

— Да, конечно.

— Ты счастлив?

— То есть как?... А-а-а... Ты это имеешь в виду... «Ах, что за проклятая штука счастье!»

У девушки вырисовались морщинки на лбу — точно роман сочиняла.

— Вадим, ну почему ты не опроверг обвинения прокурора? Я не понимаю.

— А, этот, с глазами варёной рыбы... Странно, но меня, как говорится, охватило какое-то патологическое нежелание действовать.

— Я серьёзно, а ты увиливаешь.

— И я серьёзно. Какой смысл махать ручкой, от этого груши с дерева не сыплются...

— Мне кажется, ты приносишь бесполезную жертву.

— Бесполезных жертв нет, Авелин. Мы должны принести жертву для того, чтобы кто-то другой получил прощение и новую жизнь. И это — в большом, широком масштабе и в масштабе самых простых, близких наших отношений.

— Вадим, ты — хороший... Ты — очень хороший...

— Прости! Но выключен ли диктофон?

— Давно.

— Я вот что хотел сказать: обязательно выучу французский. Влюбиться во француженку — самый надёжный способ овладения иностранным языком.

— А ты влюбился во француженку?

— Кажется, да.

* * *

Судья Анук Бонфис предсказуемо вклеила мне двенадцать месяцев тюрьмы. Авелин вернулась в Париж, но заказанную редактором статью не сдала. «Еле отгрызлась, как ты выражаешься», — улыбаясь, рассказывала она при новой встрече. Признаюсь, я был растроган и отвечал: «Merci, ma preferee! Ta victim n'est pas du tous inutile...»

Как умирали кони

I

«Побоговать бы ещё, порадоваться внучке, — говорил всем бережновским дед Крешевников, — она в газете будэ писать».

— И зачем он это говорил? — Марина с недоумением смотрела на истончённую луну, светившую у окно автобуса.

— Что ты себя притомляешь?... Ну, сказал дед и сказал...

— Безруков, ты не знаешь деревенских... Попробуй теперь им втолкуй, что я не в газете работаю! — Она встретила с его смеющимися серыми глазами.

— Да, не в газете, а в издательстве... И что?

— Впрочем, ты прав. Скажу, что дед, по обыкновению, всё перепутал...

Истолчённая мгла просыпалась. Ехать оставалось недолго. Безруков стал припоминать всё, что знал об этом районе. «В червлёном поле, — всплывали в памяти слова художника Ковалева о николаевском гербе, — лазоревый, волнистый, тонко окантованный золотом пояс, поверх всего — два скрещённых золотых пшеничных снопа, перевязанные золотой же лентой и сопровождаемые сверху солонкой с солью, над ней — серебряной раскрытой книгой, выше и по сторонам которой — серебряный с чёрными крестами омофор, внизу — тюльпан с золотым стеблем и листьями с серебряным соцветием...»

Вспомнился и Юрий Малышев. Года два назад Алёша приезжал в Николаевск за материалом для очерка о прославленном космонавте... 3 апреля 1984 года в космос запустили корабль «Союз Т-11». Командиром международного экипажа, в который входили бортинженер Геннадий Стрекалов, индийский космонавт Ракеш Шарма, был Герой Советского Союза Юрий Малышев...

Заснеживало, разгорался белый пожар. Безруков подумал, что тревожный пейзаж за окном автобуса будто бы подсмотрен питерским поэтом, написавшим:

Зелен ветер на снежном плацу —
ловит волк роковую овцу.

Тоска взяла Алёшу. Кругом холодеющая степь, которой конца и краю нет. Ей он совсем чужой. Что это за выбитое место? Отчего нет ему конца? Отчего тянет к нему давно?

Бережновские хаты вскоре появились, а ответы нет.

II

— Ну все гляделки проглядел, вас высматривая! — Лицо деда вылезло из воротника.

Крещевников светился как лампада. Радость отражалась в сверкавших его глазах. Он расцеловал внучку и втиснул свою руку в Алёшину. Белая, усыпанная старческой гречкой рука, чрезвычайно крепко, почти до боли сжала широкую, открытую ладонь Безрукова. В сереньком картузе сухонький и крепкий старик походил то ли на обходчика железной дороги, то ли на кладбищенского сторожа.

Пока шли домой, Крещевниковы поджигали друга друга вопросами:

— Ты всё такой же, диду?

— Не фарфоровый, не разобьёшь... А чтой-то ты, дивчинка, меня задоришь?

— Мой диду, — обращаясь к Безрукову, продолжала Марина, — был ординарцем у начальника штаба Тринадцатой гвардейской дивизии... за Сталинград медаль имеет... И, представь, родился второго февраля...

— Ты гляди, всё отчеканила, — приосанился старик.

— А я люблю о твоих подвигах рассказывать.

— Эх, теперь счастье лучше ратоборства!.. Я не так жил, не так.

— Знаю, диду, знаю... Потому и люблю... тебя.

...Кромешная тьма окружала дом, деревья придвинулись к нему вплотную. Василий Степанович поднялся на крыльцо, отворил дверь, включил электричество — темнота зашевелилась. В доме пахло ладаном, хлебом и кожей. Огонь пощипывал поленья в печи. На круглом лоскутном половике лежал большой чёрный кот. Он приветливо мяукнул, вскочил и присел к Марине. Пока на плите шваркали котлеты, котиче, словно поводыр, ходил с Крещевниковой из гостиной в кухню и обратно. Наконец сели, отужинали. Марина с Алёшей пошли в баню, а кот накрыл собою половик и некоторое время

поглядывал на засыпавшего деда. Когда молодёжь вернулась, дом спал, стояла мировая тишина...

— Безруков, давай поженемся!.. — на Алёшу ласково глядели зовущие чёрные глаза.

— Давно пора. — Его львиная голова склонилась к её словно выточенной из мрамора руке.

...Спустя полчаса или час он бережно укрыл её, ослабевшую, одеялом, встал и пошёл в сени.

Он не зажёл свет, так и курил в темноте. Потом затушил сигарету и глянул в окно — ночь металась во дворе. Над деревьями, рассыпавшись, мерцали звёзды. Алёшу охватило ощущение полного одиночества — с глаза на глаз с зимой, садом и ночью... Неожиданно под окном мелькнул чёрный силуэт, дверь, скрипнув, распахнулась, и вошёл Крещевников.

— Собирайся! — Василий Степанович сказал так, будто встреча с Безруковым в столь поздний час была заранее условлена.

— Зачем?

— Скоро узнаешь, собирайся! Я пока фонарь найду...

В словах деда Алёша почувствовал нечто загадочное. Какая-то тайна вошла в эту зимнюю ночь в дом вместе с этим человеком. Надо было узнать эту тайну, и поэтому Алёша согласился.

III

Они вышли за околицу. Воздух был зеленоватым и струистым. Задувал свежак, поднимался снежный дым. Темнота пропиталась отсветами снега. Степь была какой-то слюдяной, — должно быть, от белого блеска луны...

— Лунный свет обманчив... Он блестит в звериной шерсти, и зверь кажется больше, чем на самом деле...

— Это вы к чему, Василий Степаныч?

— А вот к чему... Бирюк объявился, коней режет. — Старик направил бедный свет фонаря вниз и стал разглядывать огромные волчьи следы.

— Когда же он объявился?

— С месяц, поди.

— Почему облаву не устроите?

— Бережновские боятся зверя... Когда он четвертого жеребя прикончил, всех страх обуял... Не волк это, Алёша, не волк...

— А кто ж?

— Лютобор — вот кто. Дух злобы пришёл к нам... Как сказывают, это проклятый или некрещённый человек, возможно, ведьмак принимает разные вещественные виды... Он может и других людей обращать в зверей... Ведь в старину ведьмаки целые свадебные поезда превращали в волков... Такому оборотню

легко вернуть человеческий вид, если только надеть на него снятый с себя пояс и сказать: «Господи, прости!..»

— Смотрите, тут что-то есть! — Безрукову стало не по себе, он вздрогнул.

— Да это фермера Пожалостина конь... Кажется, исходит...

Алёша взял у старика фонарь, осветил — белый бок коня был рассечён, на нём запеклась рудая кровь. Несчастное животное ещё дышало. Крещеников опустился на колени, крепко сжал большим и указательным пальцем правой руки рану и, отплевывая в правую сторону, трижды повторил: «Дёрн дерись, земля крепись, а ты, кровь, уймись».

— Кровью не истечёт, но ветеринар нужен. — Дед надвинул на глаза серенький картуз и приподнялся.

— Вы знахарь?

— От прабабки передалось... Врачую молитвами, травами да заговорами.

— Марина ничего об этом не рассказывала.

— Да она и сама не знает, не ведаёт.

Василий Степанович повернулся к степи и, крепясь, зашептал:

— Плакун! Плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слёзы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмакам киевским... А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут от твоего позорища... Замкни в яме преисподней... Будь моё слово при тебе крепко и твёрдо век веком. Аминь.

...Пока старик творил заговор от нечистой силы, Алёша решил осмотреть окрестности.

В прозрачном сумраке мигали рассерженные молнии. Воздух перед снежной бурей становился йодистым. По ледяной закраине Безруков спустился в низину и увидел волка. Он показался ему громадным. Зелёно-красным огнём сверкнули волчьи глаза, и зверь исчез... Алёша присмотрелся к следам: обычный волк не мог оставить такие чудовищные отметины. Коня изувечило другое существо.

В Борисовской балке, куда Безруков вскоре забрёл, тоже были эти странные следы. Там, где они кончались, отчётливо проглядывались «узовские» протекторы. На дороге, ведущей к селу, они терялись... Своим открытием Алёша поделился с дедом.

— В Бережновке только у Пожалостина такая машина.

— Странно, Василий Степаныч. Вот это и странно.

— Знаешь, а он ведь как бирюк! Нелюдимый, очень сторожный с детства.

— Ну и что?

— Как что? Иван родителя ведь лишился... Однажды тот подстрелил волка, оставил ружьё в роз-

вальнях и пошёл поднимать добычу. Ввалил себе на плечи убитого волка и направился к саням. Конь почувал запах зверя, испугался, рванул и понёс... Старший Пожалостин остался один. С собой у него не было даже ножа, ружьё осталось в розвальнях... По следам бережновские потом прочли, что вся волчья стая сошлась и окружила его... Нашли только кости...

— Отдохните!.. Только перетягиваете себе нервы. — Безруков заметил, что старик сильно устал и разволновался.

— Ладно, Алёша, ладно... Немного передохну, да пойдём домой...

IV

В доме былолюдно. Кроме Крещеникова, Марины и Алёши, праздновать Меланью собрались дядя Андрей и соседка Маруся. Соседка была совершенно пересохшая, даже будто прозрачная от худобы, старуха. Но у неё был высокий, томительный голос. Маруся пела:

Мэланька ходыла,
Васьлька просыла:
— Васьлько, татку,
Возьмы мэнаэ в хатку,
Я жито не жала,
Золоту кадильныцю держала.
Кадытэся, люды,
Хлив вам будэ.
От стола та до порога
Щоб була дивка черноброва...

— Гарно спивае!.. Диду, а когда мы нашу черноброву замуж отдадим? — потянулся за графином со сливовой наливкой дядя Андрей.

— Пусть сама дивчинка кажет.

— И скажу, — Марина нахмурилась, но тотчас рассмеялась, — после старого Нового года я Безруковой стану... Такой вот оксюморон.

— Что-что?

— Я говорю, дядя, что вы — званый гость... Милости просим четырнадцатого января.

...К ночи нанесло тумана. Дядя Андрей, румяный и расхристанный, как гоголевский староста, ни с того ни с сего предложил поколядовать. Соседка Маруся своим томительным голосом поддержала его. Взяли богатую кутью со сливками, миндалём, грецкими орехами и пошли по селу.

Собаки брехали, Маруся пела колядки — всем весело было. Остановились возле фундамента старой церкви, повспоминали-повздыхали, потом свернули к дому Пожалостина. Укрытый туманом дом был тёмным и молчаливо-грустным. Никто не отворил